

* * *

Вот говорят – что ты торчишь на этой сраной даче?
Там грязь, и сломан телефон, и интернета нет,
и россияне у ларька томятся над задачей:
пить эту жидкость иль не пить в расцвете ихних лет?
Я попытаюсь объяснить, хотя поймут навряд ли:
меня пугает ваш хайтек, тревожит с миром связь,
зато люблю моих бомжей, а с ними все в порядке.
А в декабре снег подсинит и накрахмалит грязь.
Не выйдут дворники во двор и не нагадят солью,
и с песиком моим сквозь лес мы радостно помчим,
бразды пушистые взорвем, и я, как дура Сольвейг,
невольню песню запою без видимых причин.
К тому ж в деревне у меня в моем скрипучем доме
под крышею светелка есть, три звездочки в окне.
Там сладко спать, а захочу – в любимом драном томе
волнующий английский быт меня взбодрит вполне.
Кто прожил три десятка лет в системе коридорной,
в густом запаренном жилье без лампочки в сенях,
где комментируют, орут и пачкают в уборной,
а дочь валяется в дыму, в прожженных простынях,
а муж молчит и шелестит газетой на диване,
и бодрым голосом гундит невнятное кино,
и постирать, и вены вскрыть, все в темпе, в общей ванне,
а во дворе нельзя ступить, кругом одно говно...
...Тот не осудит наш уют, бревенчатые стены,
где облетевшая лоза поникла вдоль крыльца,
здесь можно жить со всеми врозь, а вечером бесценным
сойтись за струганным столом да и попить винца.

ЕДУ Я НА РОДИНУ

Ну, прощевай, узорчатое чудо...
Опять я не прибилась к эстафете.
Глядит с укором дерево Иуды
сквозь вуалетку розовых соцветий.
Зачем ему такое имя дали –
воздушному, как спящая царевна?
Испещрены библейскими следами
пески, дороги, стены и деревья.
По мне проходит город раскаленный,
тяжелой поступью своей топонимии.
Века бредут сквозь время. Их колонны –
несметные, бессмертные, немые.
Здесь под землей тяжелый слой культурный,
и гравитация, само собою, выше,
как будто бы свинцовые котурны
мне к пяткам привинтил сапожник Гриша.
Здесь время сгущено и воздух сжижен,
и под приглядом Бога – меньше фальши.
До Бога-то отсель гораздо ближе,
а из России, например, – подальше...
Зато – духовность, климат и словесность,
и Чичиков все скачет в легкой бричке,
и веселит бессмысленную местность
фламенко Венечкиной электрички.

* * *

Я койку застелила по-солдатски,
освободила стол от ерунды,
последних подобрала штук пятнадцать
антоновок в траве – не для еды,
а так, для аромата, в виде сдачи
с туманных монохромных миражей
резной и ржавой осени на даче.
И заперла все ставни – от бомжей.
Мне, впрочем, милосердие не чуждо,
я люмпену сочувствую как раз.
Пускай ночует в бане, если нужно –
там чайник есть, печурка и матрас,
початые поллитра – мы ж не звери...
Мне симпатична байка про ковчег.
Хотя я в Бога и не шибко верю,
но все же – православный человек.
Ну вот как будто все. Еще немножко
я в дымчатой помедлю темноте...
и побреду по глинистой дорожке
в своем мужчинском драповом пальте.
С трудом толкну разбухшую калитку,
поклоняюсь в четыре стороны...

...Нет, захвачу, пожалуй, те поллитра –
Все ж грустно без родимой стороны.

* * *

Ну вот и кончилась моя побывка,
и снова чемодан-вокзал-израиль...
Мотает, как пропащую бобылку,
весь мой состав разлуками изранен.
Но если б я и впрямь была бобылка,
мне расставаться было бы не больно.
Что у меня бы в этом разе было?
Считай, что ничего. И так довольно.
А я увешана, как елка, якорями,
цепь выбираю каждый раз с натугой...
А с берега ненастно и коряво
судьба мне машет, русская натура...

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

Прощайте, милые осины,
нам сантименты не к лицу.
Куда несут меня хамсины?
туда, где зреют апельсины,
лимоны, фиги и маслины,
и где пейсатые мужчины
по праздникам грызут мацу.

Мои еврейские подружки,
еврейские мои дружки
рвались, хоть чучелом, хоть тушкой
сюда – на постаменте пушки
«Давидка» раздавить чекушку,
обрезать сыновьям писюшки
и любоваться на пески.

Так что же я – урод в семействе?
Во мне-то что же кровь молчит?
Что ж дед мой, карточный кунстмейстер,
меня забыл и не пометил?
И не летать мне над предместьем?
И клекот страстный арамейский
мне в клапаны не постучит?

Но жребий, мне сказали, брошен.
Перемонтаж – не перелом.
Корявой буквы ноготь вросший,
Война, суккот, суббота, кошер,
и стаи беспризорных кошек,
и памяти чужая ноша,
и песен кариес – шалом!

А вы, надменные коровы
с худым распяленным крестцом,
дышите воздухом здоровым
и возвращайтесь с тихим ревом
в мир безнадежный и суровый,
к родному серенькому крову
с подгнившим ласковым крыльцом.

ПРО НАС

Два старых мудака
приехали в Израиль,
не зная языка
и букв не разбирая...
Приехали лечить
свой стариковский ливер.
Не могут отличить
маслины от оливы,
башка не держит цифр,
глухие, как тетери,
кредитной карты шифр
немедленно потерял,
стоят два старых пня,
о чем-то злобно споря...
Такая вот херня.
Зато какое море!

МИРОЗДАНИЕ

Мой белый пес, бегущий краем моря,
оглянется с терпением отцовским,
и взмоет цапля, и тотчас же смочет
с песка волной ее косую распальцовку.

Пугая пса, как будто в сизом небе,
летят в прибое бешеные кони.
Как славно все придумал местный ребе –
собаки, цапли, кони, я – в одном законе.

Собаки, кони, бабочки, пираньи,
дельфины, гады, птицы, черепахи,
и я, и ты – несемся по спирали
на раковинном бледно-розовом распахе.

Здесь, возле моря, солнце не тиранит,
не достигает жар пустынной ржави...
И вместе с нами на одной спирали –
и с воробьем Катулл, и с ласточкой Державин.

ИОСИФ

– Куды, малая? Мы же на сносях!
И нету никакого аусвайса...
– Ослеп ты? Режут их, что поросят!
А впрочем, если хочешь, оставайся...
Кровь с молоком сочилась из земли,
вой небо в клочья рвал. Царевы люди,
послушные приказу, волокли
всех местных сосунков для казни лютой.
И старый муж, держать привыкший пост,
тоскливо на живот безгрешный глядя,
побрел безропотно, как верный пес,
след в след ступая за хромым ослятей.
Этап тяжелой техникой изрыт...
Где твой рубанок, виноград, пекарня?
Грызет суставы стужа и артрит.
Иди, старик. Такая ваша карма.
Иди, не вечен сырый мокрый снег,
очистится небес зернистых бисер,
и девочка твоя родит во сне
под абажуром из коровьих сисек.
А что не твой – скажи спасибо, дед,
наплюй на сплетни и косые взгляды,
оставь ей жар несбывшихся надежд...
И стой на этой фотке – просто рядом.

* * *

Я испытал культурный шок,
Когда моя жена,
Надев на голову мешок,
Метнулась из окна.

Но описавши плавный круг
В небесной синеве,
Опять в окно влетела вдруг
С ведром на голове.

Жену я снова видеть рад
В кругу родимых стен,
Хоть поразил меня каскад
Внезапных перемен.

Ну, слава богу, хоть ведро,
А не, допустим, бак,
Ведь мир устроен столь хитро,
Что быть могло и так.

О, как прекрасно, милый друг,
Что ты опять со мной,
Мне слов твоих приятен звук,
Немного жестяной.

И славлю я с тех пор судьбу,
Что так ко мне добра,
Едва слышу «бу-бу-бу»
Твое из-под ведра.

МАРКСИСТСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Казалось бы, давно и напрочь позабыто,
А вот, глядишь ты, вдруг поднимется со дна:
По сонной мостовой процокают копыта
Савраски ломовой, и снова тишина.

И выплывут они, в густых ошметках тины,
Как бы сказал поэт, из царствия теней,
Как бы добавил он, забытые картины,
Как он бы завершил, давно минувших дней.

Привет тебе, привет, Марксистский переулок,
Привет, дом 3/2, квартира № 6,
Где в мир явился я – нервический придурок,
О чем не разнесли волхвы благую весть.

Привет тебе, мой двор, вместилище порока,
Где вольно расцветал таганский криминал,
Где был изгоем всяк, не отмотавший срока,
Где сам бы Глеб Жеглов едва ли проканал.

Привет тебе, привет, Перов, полярный летчик,
Тот, что бельгийцев спас, кукующих на льду,
Когда бы не пырнул дружка сынок-молодчик,
Носил бы ты, сосед, геройскую звезду.

Привет тебе, привет, Дворянкин дядя Коля,
Привет тебе, привет, балбес его Лимон,
С тобою вместе мы в одной учились школе,
По-братски на двоих деля один гондон.

Привет тебе, привет, Карманов дядя Коля,
Что книжки брал читать у моего отца,
Ты жертвой пал в борьбе за дело алкоголя,
Ты честно заслужил такого вот конца.

Привет, тебе привет, Пантюшин дядя Коля,
Окрестных девок ты недаром был гроза,
И в памяти моей ты будешь жив доколе
Визжит в ушах твоя лихая гармоза.

Привет тебе, привет, Малинин дядя Вася,
Мир праху твоему, неистовый алкаш,
Кто б так еще сумел, по три недели квася,
При этом сохранять завидный авантаж.

Привет, тебе привет, разбитое корыто,
Привет тебе, привет, хромой наш табурет,
Привет тебе, все то, что до поры зарыто,
Но стоит лишь копнуть, и вылезет на свет

Собраньем черепков, коллекцией обломков,
Истлевших дочерна, истертых добела,
Способных вызвать смех товарищей потомков,
Способный вызвать дрожь оконного стекла.

* * *

Какая все-таки вселенная большая!
Второй такой на целом свете нет.
По ней, свой путь нелегкий совершая,
Немало разных движется планет.

Не все они для жизни хороши —
На многих кислорода не хватает,
И оттого, видать, не обитает
На тех планетах ни одной живой души.

Но есть одна, где жизнь бурлит бурля,
И на которой обитаем все мы,
Планета с гордым именем Земля —
Крупнейший центр Солнечной системы.

На ней есть все — и лес, и нефть, и газ,
И роддома, и морги, и аптеки,
Кто на Земле бывал хотя бы раз,
Тому ее не позабыть вовеки.

На вид она кругла как апельсин,
И от арбуза нечто есть в ней тоже.
Земля, Земля, люблю тебя как сын,
Ведь я тебя значительно моложе.

Готов твой образ в памяти хранить
До самого последнего гектара,
Покуда не прервется жизни нить,
Покуда ты имеешь форму шара.

* * *

Респект мой лексике обценной,
Сокровищнице слов бесценной,
Освобожденных от оков,
Откуда черпали горстями
С трудом терпимые властями
Кибилов, Губерман, Барков.

И я, легко признаю это,
Пивал, пивал в былые лета
Не раз из этого ручья,
Да и сейчас, друзья, не скрою,
К источнику сему порою
Нет-нет да припадаю я

Затем, чтоб на листе бумаги
Следы волшебной этой влаги
Сплести в затейливый узор.
И что б они там ни орали,
Адепты ханжеской морали,
Смешон и жалок этот хор.

Но вот чего страшусь всегда я —
А что, коль дева, нах, младая,
Затеет вдруг в какой-то миг
С прыщавым пэтэушным пылом
Мутить своим нечистым рылом
Благословенный мой родник.

* * *

Показаться может при первом взгляде,
Что пишу стихи я корысти ради,
Из одной лишь только к наживе страсти.
Это верно, конечно, но лишь отчасти.

Денег тех, что за них мне сегодня платят,
На пальто жене один черт не хватает,
Не беда, пусть в старом пока походит,
Чем обновку трепать по такой погоде.

Кто считает, что я их пишу для славы,
Полагаю, тоже не сильно правы.
Она есть сегодня, а завтра нету,
Ну и смысл заваривать кашу эту?

У кого-то может возникнуть чувство,
Что пишу я их во имя искусства.
Но меня корежит при этом слове,
Так что чувство ложно в самой основе.

Есть еще подозренья, причем большие,
Что пишу стихи свои для души я,
Но пришел к убеждению уже давно я,
Что душа есть пар и не что иное.

Так что должен вам признаться открыто,
Что не знаю, где тут собака зарыта,
Но, признаюсь, сильно меня расстроит,
Если кто-то ее невзначай отроет.

* * *

Дней веселый хоровод
Остановится вот-вот.
Что тогда я делать буду?
Где душе найду оплот?

В том же, скажем, райсаду
Вряд ли я его найду:
Фейс-контроль там больно строгий,
И его я не пройду.

Там мужик один сидит,
За входящими следит.
Он у них охранник типа –
Очень с виду уж сердит.

– Эй, – он спросит, – ты куда?
Здесь таких, как ты, орда,
И забудь сюда дорогу
Раз, чувак, и навсегда.

Уходи-ка ты добром,
Или я, не будь Петром,
Так тебя отштукатурю,
Что не описать пером.

Отхерачу от души
До кондиции лапши,
А потом, мужик, хошь в Страсбург,
Хошь Медведеву пиши.

Я от страха обомру,
Но скажу на то Петру,
Что такая перспектива
Мне совсем не по нутру.

Раз такой тут от ворот
Мне дается отворот,
Не сюда мне, значит, надо,
А совсем наоборот.

Потому что, говорят,
Там в огне хоть и горят,
Но мужик на входе добрый
И пускает всех подряд.

* * *

Облачность на небе нулевая,
Вдаль бежит тропинка полевая,
По которой в день свой выходной
Я иду родимую сторонкой,
И лаская слух мой песней звонкой,
Жаворонок вьется надо мной.

Жаворонок, он же жаворо́нок —
Неизбежный бич родных сторонок,
Конкурент извечный соловья,
Никуда мне от тебя не деться,
Как же мне в печенки въелась с детства
Песня пресловутая твоя!

Да и ты, тропинка полевая,
Что, по-бабьи тонко завывая,
Воспевал по ящику один,
Задолбав руладами своими,
Этот самый... вылетело имя...
Ну, такой весь из себя блондин.

А моряк, что едет на побывку...
Каждый раз проходит по загривку
Дрожь, едва услышу те слова.
Этот русский дух в аэрозоле,
Он в ноздрях натер уже мозоли,
Он глаза не выел мне едва.

Что бы мне, уроду, да с народом
В пляс пуститься дружным хороводом,
То-то было б радости тогда,
Вот обзаведусь противогазом
И решу проблему эту разом,
Присоединяйтесь, господа!

* * *

Разнообразен мир животный
Прекрасной родины моей.
В лесу медведь гуляет плотный,
В дубраве свищет соловей.

Карась – посмешище природы
Пересекает водоем,
Шипит змея из-под колоды
О чем-то, видимо, своем.

Комар летит на запах крови,
Но не осудим мы его,
Поскольку кровопийства кроме
Он не умеет ничего.

И полноправным властелином,
Справляя миссию свою,
Я первым в списке этом длинном
Российской фауны стою.